

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Левин Г.Д. Генезис теоретического знания // Философская мысль. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.12.77401 EDN: PXNNHY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77401

Генезис теоретического знания

Левин Георгий Дмитриевич

доктор философских наук

ведущий научный сотрудник; сектор теории познания; Институт философии РАН

117534, Россия, г. Москва, ул. Чертановская, 47, корп. 2., кв. 45

✉ g.d.levin@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.12.77401

EDN:

PXNNHY

Дата направления статьи в редакцию:

18-12-2025

Дата публикации:

25-12-2025

Аннотация: В статье различены два этапа истории теоретического познания: 1) возникновение первичных, зародышевых теоретических знаний внутри дотеоретического эмпирического знания и по его имманентным законам; 2) развитие этих первичных знаний в целостные теории по писанным законам логики и гносеологии. Первый из этих двух этапов называют генезисом теоретического знания. Философов, признающих его реальность, называют апостериористами, а их оппонентов, утверждающих, что теоретическое знание не возникает из эмпирического, – априористами. В статье утверждается, что априоризм порожден исторической ограниченностью средств гносеологического исследования. Этим определяется методологическая особенность статьи: преодоление априоризма в ней осуществляется за счет доведения инструментов исследования, гносеологических понятий и принципов, до рабочего состояния. Последующее применение их в исследовании генезиса теоретического знания носит в основном дедуктивный характер. В основе статьи лежат принципы последовательного,

лапласовского детерминизма, согласно которому все события и положения вещей в мире необходимы. Из этих принципов следует, что у эмпирического и теоретического знания общий предмет, и они представляют собой исторически сменяющие друг друга этапы познания этого предмета. Понять, как именно они сменяют друг друга – и значит решить проблему генезиса теоретического знания. Цель статьи – принять участие в решении этой проблемы. Для ее достижения вводятся и тщательно определяются категории – инструменты исследования: «эмпирическое знание», «теоретическое знание», «вещь», «факт», «отношение», «основание отношения», а также излагается играющая ключевую роль в статье теория трех миров К. Поппера. С помощью этих категорий и этой теории в рамках так называемого инстанциального подхода генезис теоретического знания представлен как преобразование виртуальных атомарных эмпирических фактов в виртуальные теоретические. Различены два этапа этого процесса. На первом происходит выделение в чистом виде вещей, входящих в атомарный эмпирический факт, на втором из внутреннего содержания этих вещей выводится отношение, объединяющее их в этот факт. Исследуются методы решения этих двух задач. Подчеркнута роль, которую в их решении играет интуиция.

Ключевые слова:

Априоризм, апостериоризм, эмпирическое знание, теоретическое знание, факт, вещь, отношение, идеация, идеализация, индукция

1. РГНФ. 1997 – 1999. 95-06-17840а. Анализ и синтез в истории науки и в современном научном познании. Рук. 2. РГНФ. 1999 – 2001. 99 – 03 – 19633а Проблема универсалий. РЗ. РФФИ. 2001 – 2003. № 01-06-80205а. Теория диалога. Рук. 4. РГНФ. 2003 – 2005. № 03-0300638а. Философские категории. Рук. 5. РГНФ 2004. № 04-03-1608д. Издание монографии: Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд М. 2005. 6. РГНФ. 2004 – 2006. 04-03-00093а Теоретическое знание, понимание и мифотворчество. Исп. 7. РГНФ. 2006 – 2008. № 06-03-00325а. Истинность и рациональность. Рук. 8. РГНФ. 07-03-1645Д. Издание монографии: Г.Д. Левин. Философские категории в современном дискурсе. 9. РФФИ. 2007 – 2009. 07-06-00476. Релятивизм в современной науке.

Постановка проблемы. Общеизвестно, что эмпирическое знание исторически возникло из чувственного знания и по его законам. Затем возникло теоретическое знание. Оно возникло из эмпирического знания и по его законам, или независимо от эмпирического? По ответу на этот вопрос философы делятся на апостериористов и априористов. Апостериористы убеждены, что теоретическое знание возникает из эмпирического так же естественно, как само эмпирическое из чувственного. Но как именно это происходит, каков гносеологический механизм этого процесса? Апостериористы не могли конкретно ответить на этот вопрос, в результате чего апостериоризм сменился априоризмом, исходный принцип которого – теоретическое знание не возникает из эмпирического. Но перед априористами встает вопрос, не менее трудный, чем перед апостериористами: как же в таком случае теоретическое знание оказывается в сознании субъекта?

Этот вопрос можно просто снять, заявив, что никакого деления знаний на эмпирические и теоретические не существует. Но те философы, которые признают и это деление, и этот вопрос, по ответу на него делятся по на несколько школ.

Типы априоризма. Первым философом, который ясно сформулировал исходный принцип априоризма, был Платон. Правда, терминов «эмпирическое знание» и «теоретическое

знание» тогда еще не было, но уже существовали эталонные образцы теоретических знаний - геометрические теоремы. Именно о них Платон пишет: когда математики «пользуются чертежами и делают отсюда выводы, их мысль обращена не на чертеж, а на те фигуры, подобием которых он служит. Выводы они делают только для четырехугольника самого по себе и его диагонали, а не для той диагонали, которую они начертили» [[1], 510 d].

Из этого утверждения и вытекает роковой для априоризма вопрос: как же в таком случае в сознании математика возникает понятие «четырёхугольник сам по себе», т.е. теоретическое понятие? В современных терминах платоновский ответ на него можно описать так.

Эмпирические и теоретические знания находятся в субъективном, феноменальном мире человека, а их предметы - за его границами, в трансфеноменальном мире, но в разных его «местах». Предметы *эмпирических* знаний, например, четырёхугольник, начерченный математиком, находятся в мире, *доступном* непосредственному чувственному восприятию. Предметы же *теоретических* знаний, в том числе и четырёхугольник сам по себе, находятся в «умном месте», т.е. попросту, в месте, *недоступном* чувственному восприятию. Сегодня это «место», называют платоновским небом, надмировым пространством, теоретическим пространством и *третьим миром*. [[2], с. 123].

С помощью понятия «третий мир» платоновскую трактовку генезиса теоретического знания, теорию анамнесиса, можно представить так. Душа человека до ее вселения в его тело пребывает в третьем мире и непосредственно созерцает находящиеся там предметы теоретических знаний, в том числе и четырёхугольник само по себе. И когда математик смотрит на четырёхугольник, начерченный им самим, он *вспоминает* виденное.

Аристотель необычно резок в оценке этой концепции своего учителя: думать так, утверждает он, «значит пустословить и говорить поэтическими иносказаниями» [[3], 1079 b]. Но вопрос-то остается: если геометрические знания существуют, и если они н возникают из эмпирических, то как они оказались душе математика? По мнению Аристотеля - с помощью непосредственного усмотрения ума. Но чем оно отличается *по существу* от «анамнесиса» Платона? Здесь я этот вопрос лишь поставлю.

Следующая попытка, не отказываясь от исходного постулата априоризма, ответить на его «основной вопрос» была предпринята лишь две тысячи лет спустя Декартом и Лейбницем. Она известна как *теория врожденных идей*. Под названием «нативизм» (от лат. *nativus* – врожденный) она популярна и сегодня. Утверждается, что не всё теоретическое знание целиком, а только его зародышевые элементы, являются врожденными. Из них-то и развиваются целостные теории. Но ведь душа рождается, следовательно, зародыши теоретических знаний рождаются вместе с ней. А как это происходит? Таким образом, нативизм - это не решение проблемы генезиса теоретических знаний, а лишь ее переформулировка.

Можно поэтому понять Канта, который не принимает ни «поэтические иносказания» Платона, ни рассуждения о непосредственном усмотрении ума Аристотеля, ни теорию врожденных идей Декарта и Лейбница, а просто объявляет строго всеобщие и необходимые знания априорными. Проще говоря, он берет проблему генезиса теоретического знания «в скобки», откладывает ее обсуждение до лучших времен.

Для полноты картины упомяну еще один способ уйти от ее обсуждения: не отрицать ее, а просто исключить из рассмотрения. Именно в таком положении она находилась на начальном этапе формирования диалектико-материалистической теории познания в

нашей стране. Процесс познания был тогда втиснут в ленинскую формулу «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике - таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» [[4], с.152—153]. В рамках этой методологической установки были получены серьезные научные результаты. Среди них особенно выделяются исследования Э.В. Ильенкова [[5]]. и А.А. Зиновьева [[6]]. Мой тезис: во всех своих ипостасях: платоновской, декартовской, лейбницевской, кантовской и диалектико-материалистической априоризм порожден общей причиной: исторической ограниченностью средств гносеологического исследования. таким образом, он просто освобождал гносеологию от проблемы, для решения которой она еще не созрела.

Современное состояние проблемы. Но после постановки проблемы генезиса теоретического знания Платоном прошло более двух тысяч лет, и - более двухсот лет прошло после штурма ее Кантом. Гносеологические понятия и методы гносеологического исследования за это время значительно усовершенствовались. Так не пора ли гносеологам, по примеру библейского блудного сына, вернуться в апостериоризм и конкретно описать процесс трансформации эмпирических знаний в теоретические на основе его исходных принципов?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо оценить уровень исследований эмпирического и теоретического знания в нашей стране. Первая работа, непосредственно посвященная этой проблеме, вышла в нашей стране лишь в 1964 году[[7]]. Затем появились книги И.С. Нарского [[8]].и В.С. Швырева. [[9]] и других авторов. Определенный итог этим исследованиям подводит монография В.С. Степина [[10]]. Но было бы преувеличением утверждать, что категории и методы современного учения об эмпирическом и теоретическом знании вполне готовы для решения проблемы генезиса теоретического знания. Достаточно сказать, что в современной литературе существует не меньше двенадцати разных по смыслу определений категорий «эмпирическое знание» и «теоретическое знание», ключевых для обсуждения этой проблемы: [[10], с. 10 - 12]. Причем это не определения омонимов: авторы этих определений парадигмальными примерами теоретических знаний считают геометрию Евклида и механику Галилея. Не в лучшем положении и другие гносеологические категории - инструменты исследования проблемы. Но победить в противостоянии с априоризмом апостериоризм может только доведя эти инструменты до рабочего состояния. Ведь как известно, Коперник победил сторонников Птолемея за счет применения более точных приборов. Сказанным определяется методологическая особенность статьи: заготовке инструментов исследования проблемы в ней уделяется не меньше места, чем самому исследованию.

Методологические принципы исследования. Их пять: апостериоризм, реализм, классическая теория истины, классическая теория единичного и общего и последовательный детерминизм. При этом я признаю право анализировать проблему генезиса теоретического знания на основе альтернативных принципов. Моя цель - раскрыть эвристические возможности перечисленных.

Сказанного выше об апостериоризме достаточно для начала исследования. Кратко опишу остальные четыре.

Реализм. В современной литературе насчитывают около пятнадцати разновидностей реализма. Я понимаю его узко с строго: как мировоззрение, согласно которому мир существует вне и независимо от моего сознания, отображается в нем и преобразуется в соответствии с этим отображением. Различают два вида реализма: материализм и объективный идеализм. Я - материалист.

Классическая теория истины. Согласно этой теории истинным и эмпирическое, и теоретическое знание делает его соответствие своему предмету.

Единичное и общее. Единичным традиционно называют признак, присущий одному элементу фиксированного класса, *общим* - признак, присущий более чем одному его элементу, а *всеобщим* - признак, присущий всем его элементам. По метонимии единичными, особенными и всеобщими называют и знания об этих признаках. Именно в этом смысле термин «*всеобщее суждение*» употребляет И. Кант. [[12], с 106].

Последовательный детерминизм - это мировоззрение, согласно которому что все события и положения вещей в мире необходимы. Необходимо же, по Аристотелю, то, что «не может быть иначе» [[13], 88 в]. Это мировоззрение ведет свою родословную от Демокрита, но наиболее строго его описал П. Лаплас, [[14], с.9]. Поэтому его называют *лапласовским детерминизмом*. Последовательному детерминизму противостоит *последовательный индетерминизм*, согласно которому все события и положения вещей в мире случайны, т.е. хотя и существуют, но могли и не существовать. Впрочем, последовательный индетерминизм существует скорее как логическая возможность, чем как развитая теория.

Между этими двумя *последовательными* концепциями находится третья, наиболее соответствующая здравому смыслу и до недавнего времени доминировавшая в отечественной философии под названием «*диалектический детерминизм*». Его сторонники убеждены, что в объективном мире наряду с необходимыми происходят и случайные события. Лапласовский детерминизм они называют *жестким*. [[15], с.103] Это позволяет их детерминизм назвать *мягким*. В свою защиту они приводят копенгагенскую интерпретацию квантовой механики. Но я придерживаюсь в этом вопросе точки зрения А. Эйнштейна, считавшего, что в мире существуют и динамические, и статистические законы, и Бог способен действовать на основе тех и других. Именно поэтому Бог не играет в кости: ему это просто неинтересно. На мой мягкий детерминизм, детерминизм с исключениями - это такая же нелепость, как и закон сохранения с исключениями.

Выбор между мягким и жестким детерминизмом имеет принципиальное значение для самой постановки проблемы генезиса теоретического знания.

Согласно первому эмпирическими являются знания о случайном, а теоретическими - о необходимом. Согласно второму поскольку в мире необходимо все, постольку *по предмету* эмпирическое и теоретическое знание не различаются. Причём эмпирическое знание содержит информацию не только о существовании объективно необходимого факта, но также о его необходимости. Истинное эмпирическое знание - это генетически первичная форма знания об объективной необходимости. Переход от эмпирического знания к теоретическому меняет лишь характер знания о ней.

Итак, последовательный детерминизм, согласно которому эмпирическое и теоретическое знание суть две исторические формы знания об объективной необходимости, является платформой, на основе исследования трансформации эмпирического знания в теоретическое становится возможным. Но для этого необходимо сделать «шаг сторону» от этого исследования и заняться заготовкой его инструментов.

Факты, вещи, отношения и основания отношений. В современной литературе факт чаще всего понимается как положение вещей (*Sachlage, state of things*), отображенное в истинном суждении. «Факт - это создатель истины», «*Fact is truthmaker*» [[16]]. Вещь при этом понимается не как тело, локализованное в пространстве и времени, а как любое реально существующее нечто, все, что может быть предметом мысли, все, что

быть названо. По стилистическим соображениям термины «предмет» и «вещь» я буду употреблять как синонимы. Соотношение фактов и вещей Л. Витгенштейн характеризует так: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» [[16], 1.1]. Это не значит, конечно, что он отрицает существование вещей. Это значит лишь, что вещи с его точки зрения существуют в составе фактов. Я принимаю этот тезис.

Но вещи сами по себе, входящие в факт, это еще не факт. В факт их объединяет *отношение*, которое традиционно понимается как признак, принадлежащий нескольким вещам. Факты различаются по количеству входящих в них вещей. Простейший, атомарный факт - это бинарное отношение, отношение двух вещей. Вещи первичны, отношения, объединяющее их в факт, вторичны. Ту часть содержания вещи, которая *непосредственно* порождает ее отношение к другой вещи, средневековые схоласты обозначали термином «fundamentum relattionis» «*основание отношения*» [[18], S.69].

Теория трех миров. Эти четыре термина: «факт», «вещь», «отношение» и «основание отношения» позволяют корректно ввести еще один инструмент исследования - *теорию трех миров К. Поппера*. Правда, сам Поппер приписывает ее авторство Платону: «Всем известно, что Платон был первооткрывателем третьего мира» [[19], с.123]. Я детально проанализировал теорию трех миров в [[20]]. Здесь скажу лишь самое необходимое.

Согласно этой теории факты, входящие в *первый*, объективный мир, отображаются в понятиях и суждениях, вводящих во *второй*, субъективный мир, а последние, в свою очередь, проецируются в *третий мир* и порождают там виртуальные факты, состоящие из виртуальных вещей, соединенных виртуальными отношениями. Получается, что *второй мир вторичен* по отношению к *первому* и *первичен* по отношению к *третьему*. Интересно сопоставить этот третий мир Платона с третьим миром реалиста. У Платона он первичен, а второй мир, мир человеческих знаний, вторичен. Для реалиста первичен первый мир, мир реальных объектов, вторичен мир знаний о них, а третий мир, мир виртуальных объектов, третичен по отношению к миру реальных объектов и вторичен по отношению к знаниям о них. Именно в силу этого он существует не в надмировом пространстве, а в феноменальном мире субъекта, рядом с его вторым миром.

Роль индукции в формировании эмпирического знания. Введенных понятий - инструментов исследования достаточно, чтобы обратиться к исследованию самой трансформации условно необходимых и условно всеобщих эмпирических знаний в строго всеобщие и безусловно необходимые теоретические знания. Но для этого нужно сначала понять, как возникают эти условно необходимые и условно всеобщие эмпирические знания. он отвечает на этот вопрос двумя словами: «*посредством индукции*» [12], с.107]. В условиях дефицита информации и такой ответ представляет ценность. Необходимо лишь «расписать» его.

Возьмем для этого несколько умозрительный пример. Представим себе человека начала медного века, (это примерно IV—III тысячелетия до н. э.) который нашел кусок самородной меди, нагрел его в костре и обнаружил, что он расплавился. Чтобы убедиться, что *этот* признак присущ *этому* образцу меди *необходимо*, он нагревает его несколько раз и каждый раз видит, что он плавится. Это позволяет ему на основе *неполной индукции*, примененной не к классу предметов, а к *классу событий*, происходящих с *отдельным* предметом, заключить, что способность плавиться при нагревании *этому* образцу меди присуща *необходимо*.

Но для применения этого открытия на практике ему следует убедиться еще и в том, что эта способность необходимо присуща *всем другим* образцам меди, т.е. является не

только необходимым, но и всеобщим ее признаком. Для решения этой задачи снова применяется неполная индукция, но уже не к классу *событий*, происходящих с одним предметом, а к классу самих таких предметов: их нагревают и *каждый раз* убеждаются, что они плавятся. В итоге возникает *эмпирическое* суждение «Медь плавится при нагревании», которое является одновременно и *условно* необходимым, и *условно* всеобщим. Впрочем, чаще вывод о необходимости исследуемого признака делается одновременно с констатации его всеобщности.

Важно, однако видеть, что неполная индукция имеет довольно ограниченное применение. Она работает только когда исследуемое событие наступает во всех уже произошедших случаях *без исключения*. Когда выясняется, что это событие, например, выпадение игральной кости на шестерку, наступило лишь в некоторых произошедших случаях, классическая неполная индукция бессильна.

Эту ее ограниченность преодолевает эмпирическая теория вероятностей, позволяющая предсказывать наступление события на основе информации о том, в какой *части* уже произошедших случаев оно наступило. Но для нашей задачи - исследования трансформации условно необходимого и всеобщего эмпирического знания в безусловно необходимое и всеобщее теоретическое достаточно учения о неполной индукции.

Чтобы процесс трансформации эмпирического знания в теоретическое описать конкретно, необходимо строго отличить эмпирическое знание от эмпирического познания.

Формы эмпирическое знания и эмпирического познания. Для определенности из форм эмпирического познания исключим *созерцание* - бесцельное чувственное восприятие окружающего мира. Тогда простейшей его формой будет прямое чувственное восприятие исследуемого предмета без практического вмешательства в него, но с целью осуществить такое вмешательство. Эту разновидность эмпирического познания называют *прямым наблюдением*.

На его основе возникает *косвенное наблюдение*, когда о существовании и свойствах исследуемого предмета судят, воспринимая органами чувств не их, а формы их проявления, например, шум водопада.

Первые две формы наблюдения доступны и животным. Третья специфична для человеческого общества, находящегося на высокой ступени исторического развития. Она возникает, когда между органами чувств человека и либо самим исследуемым предметом, либо формами его проявления ставятся усиливающие приборы - микроскопы и телескопы. Именно так удалось открыть клетки живых организмов, спутники Юпитера, а также тепловое движение молекул жидкости, проявляющееся в «броуновском движении».

Высшая же форма эмпирического познания возникает, когда человек оказывает на исследуемый предмет контролируемое воздействие и наблюдает за его результатами. Сами эти изменения называют *опытом* или *экспериментом*, а возникшие в результате знания - *опытными* или *экспериментальными*.

Одно из важнейших направлений развития и чисто наблюдательного и опытного эмпирического познания состоит в том, что от непосредственного наблюдения исследуемого предмета переходят к наблюдению все более удаленных форм его проявления. По мере развития науки эти цепочки детерминаций, связывающие исследуемое явление с *непосредственно* наблюдаемой формой его проявления

(например, распад атома урана с отклонением стрелки амперметра) становятся все длиннее, и все труднее понять, что же именно наблюдается. Но только наличие такой цепочки форм проявления делает исследование любого реального предмета *научным*. Причем то относится не только к эмпирическому, но и к теоретическому познанию. Именно в этом смысл *принципа наблюдаемости*, согласно которому «теория должна иметь эмпирическое обоснование ее исходных посылок и существенных логических следствий из них» [[21], с.5].

Этапы трансформации эмпирических знаний в теоретические. Эта беглая генетически классификация форм эмпирического познания служит основой и для классификации форм трансформации эмпирических знаний в теоретические. Они возникали в истории познания в той же последовательности, в какой возникали перечисленные формы эмпирического познания.

Первые зародыши теоретических знаний возникли в лоне эмпирических исследований пространственных форм и пространственных отношении макропредметов, доступных непосредственному зрительному восприятию. Считается, что первые геометрические аксиомы и теоремы были сформулированы примерно в XVII в. до н.э. Но на то, чтобы эти зародыши теоретических знаний объединились в целостную теорию, потребовалось 14 веков: «Начала» Евклида были созданы лишь в III в. до н.э.

Еще больше времени, около двух тысяч лет, потребовалось на то, чтобы в целостную теорию были объединены зародыши теоретических знаний о пространственных перемещениях материальных тел и их *взаимодействиях*. Это сделал Галилей в XVII веке. Эти перемещения и взаимодействия тоже *доступны* непосредственному чувственному восприятию.

Значительно меньше времени, всего два века, понадобилось на то, чтобы в целостную теорию объединились разрозненные теоретические знания о *социальных* процессах. Эту научную революцию совершил в XIX веке К. Маркс, за что он был удостоен титула «Галилея общественных наук» [22], р. 36].

Гносеологический механизм трансформации эмпирических знаний в теоретические. Заготовленных инструментов исследования достаточно, чтобы применить их к задаче, от решения которой отказался Кант: понять, как внутри условно необходимого и всеобщего *эмпирического* знания и по его законам возникает безусловно всеобщее и необходимое *теоретическое* знание, способное к дедуктивному саморазвитию, т.е. к порождению нового теоретического знания без обращения к наблюдению.

Большой вклад в решение этой задачи внес Маркс, которых не только создал экономическую *теорию*, но и внес существенный вклад в методологическое исследование процесса ее создания. Он исследует самые первые и самые трудные шаги на пути трансформации эмпирического знания в теоретическое. Причем использует здесь южный методологический прием: берет для этого не экономический, а самый элементарный физический пример - взвешивании головы сахара с помощью железной гири: «Чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо фигурирует как тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести. Количество железа служит поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляет лишь воплощение тяжести или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или какое-то другое тело. Как тело железа в качестве меры веса представляет по отношению к голове сахара лишь тяжесть, так и в нашем

выражении стоимости тело сюртука представляет собой по отношению к холсту лишь стоимость» [23], с. 66].

Введенных выше пяти инструментов исследования - понятий «факт», «вещь», «отношение», «основание отношения» и «третий мир» - достаточно, чтобы продолжить начатый Марксом анализ трансформации эмпирического знания в зародыши теоретического.

Начну несколько издалека. Каждая реальная вещь первого мира, находится в необозримом множестве отношений к другим вещам. Человек, руководствуясь практическими или познавательными интересами, выделяет из их множества только одну вещь, в примере Маркса - железный предмет, а из множества ее отношений к другим вещам - отношения только к одной вещи, в примере Маркса - к сахару. Но и между этими двумя вещами находится необозримое множество отношений. Поэтому следующий шаг от эмпирического видения мира к теоретическому заключается в выделении из этого множества отношений между двумя вещами только одного, в примере Маркса - весового. Так возникает первичный, атомарный факт - бинарное отношение вместе с его носителями, существующее в первом, объективном мире. Согласно теории трех миров атомарные факты существуют и в первом, и в третьем мире. В обоих случаях они представляют собой две вещи, соединенные бинарным отношением.

Но вещи и факты первого мира на эмпирические и теоретические не делятся. Так делятся сначала понятия и суждения, существующие во *втором* мире, а затем - задаваемые ими вещи и факты третьего мира. Это вынуждает различать два параллельных процесса: 1) совершающуюся во *втором* мире трансформацию эмпирических понятий и суждений в теоретические понятия и суждения и 2) совершающуюся в *третьем* мире трансформацию эмпирических вещей и фактов в теоретические вещи и факты.

Этот последний процесс на протяжении истории философии обозначался по крайней мере четырьмя терминами: «идеализация», «идеация», «абсолютизация» и «выделение в чистом виде». В их соотношении нужно разобраться. Самый употребляемый из них - «идеализация». Он амбивалентен: им обозначают и происходящее в третьем мире превращение виртуального эмпирического объекта в виртуальный теоретический (в этом смысле говорят, о *галилеевской идеализации*), но им же обозначают и трактовку реального объекта, существующего в *первом* мире, как идеального. Именно это имеют в виду, когда говорят «ты его идеализируешь».

Чтобы устранить эту амбивалентность, я предлагаю: 1. Теоретическое понятие назвать *идеяй*. 2. *Теоретический объект*, зеркально соответствующий *идее* и существующий в *третьем* мире, назвать *идеальным объектом*. Именно в этом смысле говорят, например, об идеальной плоскости, идеальном газе, идеальном муже и т.д. Именно с такими объектами осуществляют *мысленные эксперименты*. Трансформацию эмпирического объекта, существующего в третьем мире, в теоретический назвать, как это принято в психологии, *идеацией*. 4. Истолкование *реального* предмета как *идеального* назвать *идеализацией*. 5. Сам предмет, подвергнутый идеализации, называть не *идеальным*, а *идеализированным*. От *идеального* важно отличать *абстрактный* предмет; всякий предмет третьего мира абстрактен, но не всякий абстрактный - идеален.

Идеацию виртуального эмпирического предмета важно отличать от его *анализа*. В акте идеации из предмета удаляется постороннее содержание, затрудняющее его понимание. Сам предмет продолжает существовать. В процессе анализа этот предмет разлагается на

части и перестает существовать.

Не менее популярное название для удаления из предмета третьего мира постороннего содержания - «абсолютизация». Но оно тоже амбивалентно: абсолютизацией называют и истолкование реального предмета первого мира как абсолютного. Абсолютный предмет так же важно отличать от абсолютизированного, как идеальный - от идеализированного.

Но, на мой взгляд, наиболее адекватно суть трансформации эмпирического объекта в теоретический выражает термин Маркса «*выделение предмета в чистом виде*». [[23], с. 169, 196, 557, 594]. Под *предметами* он фактически имеет в виду *основания отношения*, объединяющего вещи в факт (например, тяжести железа и сахара), а под *выделением их в чистом виде* - устранение из рассмотрения всего содержания этих вещей за исключением этих оснований отношения.

Место процедуры выделения предмета в чистом виде (идеации, абсолютизации) в целостном процессе познания вполне сравнимо с местом *обогащения руды* в целостном процессе промышленного производства. Обоим процессам предзадано хаотическое нагромождение исходного материала, в который наряду с ненужными входят и нужные компоненты. Задача обоих процессов - выделить нужные компоненты в чистом виде. Сходно и назначение этих выделенных из хаоса нужных компонентов: чистые химические элементы объединяются в чистые химические соединения, из которых затем создается весь мир современной техники, а выделенные в чистом виде основания отношений объединяются сначала в атомарные, а затем и во все более сложные теоретические факты, которые постепенно сливаются в предметы целостных теорий - геометрии механики и т.д.

Три этапа трансформации эмпирических знаний в теоретические. На первый взгляд удаление из виртуальных вещей, входящих в виртуальные эмпирические факты, того их содержания, которое не участвует непосредственно в порождении отношения, объединяющего эти вещи в этот факт, - это тривиальная процедура, тем-то напоминающая удаление из дома ненужных вещей и потому не заслуживающая тщательного исследования. В действительности это очень сложная процедура, и понять ее - значит понять суть первого этапа трансформации эмпирических знаний в теоретические.

Содержание, удаляемое из вещи в процессе выделения ее в чистом виде, можно разделить на три части. Соответственно на три этапа распадается и процесс их удаления. Рассмотрим эти три части удаляемого содержания и три этапа его удаления на простом химическом примере - реакции реального образца железа с реальным образцом хлора.

Первый и главный тип постороннего содержания в них - это атомы других химических элементы - не-железа и не-хлора. Удаление их из железа и хлора состоит из двух этапов. На первом атомы не-железа и не-хлора реально удаляются из реальных образцов железа и хлора. Но полностью их удалить невозможно даже самыми современными средствами. Железо, например, удастся очистить от примесей лишь на 99.99%. Дальнейшее их устранение переносится в третий мир, где оставшееся постороннее содержание удаляется из железа и хлора мысленно.

Итак, перед нами в виртуальном мире образец железа, состоящий только из атомов железа, и образец хлора, состоящий только из атомов хлора. Это позволяет разглядеть

в них второй тип постороннего содержания. Ограничимся железом. Постороннее содержание второго типа в нем - его форма, размеры, вес и температура. Они, конечно, не приведут к тому, что вместо хлорида железа возникнет, например, хлорид натрия, но способны ускорить, замедлить и даже остановить течение его взаимодействия с хлором.

Но в отличие от содержания, противоположного и исследуемому, их нельзя удалить из железа и хлора реально. Но можно *изменить*. Подобрать, например, такую температуру, при которой их реакция протекает оптимально, затем стабилизировать ее и на время исключить из рассмотрения. Это широко распространённый метод. Именно так, например, были сформулированы газовые законы: в них количественные зависимости между двумя параметрами газа исследуются при фиксированном третьем параметре, существование которого не отрицается, а просто не принимается во внимание.

Итак, из вещей, входящих в факт, удалено содержание, входящее в тот же род, что и основание отношения, объединяющего их в факт, а также содержание, входящее в *иные роды*. В итоге открывается третий тип постороннего содержания и, соответственно, третий способ удаления его из вещей. Взятый пример позволяет рассмотреть и его.

Железо, из которого удалено содержание, входящее в тот же род, что и исследуемое (примеси), а содержание, входящее в иные роды, стабилизировано и исключено из рассмотрения, открывает свое основное содержание, признаки которого традиционно делятся на родовые, видовые и подвидовые. Родовые делают железо металлом, видовые - железом, а подвидовые - изотопом железа. Металлом его делает наличие свободных электронов в наружных электронных оболочках его атомов, железом - наличие 26 протонов в ядрах ее атомов, а изотопом железа - наличие в них нейтронов. Нейтроны, как известно, не участвуют в реакции железа с хлором, и потому при исследовании этой реакции от них можно просто *абстрагироваться*.

Этот заключительный этап выделения чистом виде оснований отношения, объединяющего вещи в факт, настолько прост и очевиден, что обычно даже не упоминается. Но в социальных науках, где по выражению Маркса, приборы и химические реактивы заменяет сила абстракции, он может оказаться выдающимся научным результатом. Именно такой результат получил сам Маркс при исследовании *прибавочной стоимости*. Входящие в нее признаки тоже делятся на *родовые*, делающие ее *стоимостью*, *видовые*, делающие ее *прибавочной* стоимостью, и *подвидовые*, делающие ее видом прибавочной стоимости - прибылью, процентом или рентой. Маркс утверждает: «Все политикоэкономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую (курсив мой - ГЛ.), а в особых формах прибыли и ренты» [[24], с. 6]. Маркс очень высоко ценил этот исследовательский прием, относил «исследование прибавочной стоимости независимо от ее особых форм», к «лучшему в «Капитале» [[25], с. 277].

Важно видеть предельную элементарность этой процедуры. Выделение прибавочной стоимости в чистом виде, превращение ее в прибавочную стоимость как таковую заключается просто в абстрагировании от ее подвидовых признаков, тех, которые делают ее прибылью, процентом или рентой. Этой ее элементарностью детерминируется ее фундаментальность. Дело в том, что она превращает возникшую предельно чистую и предельно простую вещь еще и в *предельно общую*. В предельно общий превращается и факт, в который входят общие вещи. Но общим философы по метонимии называют не только этот факт, но и суждение о нем. Тем самым решается мучившая Канта загадка строгой всеобщности априорных суждений. Вера во всеобщность эмпирических суждений добывается неполной индукцией. Вера во всеобщность теоретических суждений

обусловлена тем, что их предметы вторичны по отношению к этим суждениям, порождены ими. Они соответствуют своим предметам так же, как слайд - его проекции на экране. Поэтому видеть в строгой всеобщности теоретических знаний их преимущество перед эмпирическими - значит не понимать смысла проблемы. У них разные предметы. В конечном счете общие теоретические знания соответствуют предметам первого мира, как и общие эмпирические, но не прямо, не зеркально, а через ряд преобразований, исследование которых - одна из важнейших задач гносеологии.

Как познаются отношения, объединяющие вещи в факт? Рассмотренные три этапа выделения в чистом виде вещей, входящих в атомарный эмпирический факт, превращают их в теоретические, но не превращают в теоретический сам факт, поскольку эти вещи не исчерпывают всего его содержания. Еще Аристотель говорил, что целое больше суммы его частей. А больше оно именно на те отношения, которые объединяют вещи в факт. Вытекающий отсюда вопрос в терминах теории трех миров можно сформулировать двумя способами. 1. Как именно *во втором мире из знаний* о выделенных в чистом виде вещах, входящих в факт, возникает *знание* об отношениях, объединяющих их в этот факт? 2. Как именно *в третьем мире* из внутреннего содержания вещей, входящих в факт, возникают отношения, объединяющие их в этот факт?

Невероятную трудность первого из этих вопросов во всей полноте осознал Платон. Цвет, говорит он, мы воспринимаем глазами, звук - ушами. А чем мы воспринимаем *сходство* цвета и звука, т.е. *отношение* между ними? «С помощью чего стал бы ты все это о них мыслить? Ведь общего между ними нельзя уловить ни с помощью зрения, ни с помощью слуха» [[1], 185 b].

Аристотель полностью принимает платоновскую постановку этого вопроса, меняя лишь пример: «Действительно, невозможно различить посредством отдельных чувств, что сладкое есть нечто отличное от белого». Ведь если бы это было возможно, это было бы возможно и в том случае, когда «одно ощущал я, а другое - ты, /а это нелепо/». Так «посредством чего мы ощущаем /это самое/ отличие?» [3, 462b].

В современных терминах этот вопрос можно сформулировать так. Чистые отношения на органы чувств не воздействуют и потому чувственно не воспринимаются. Внутри относящихся вещей они не находятся, следовательно, *абстрагировать* знание о них из знания об внутреннем содержании вещей нельзя. И, тем не менее, эти знания наличествуют в нашем сознании. Как они там оказались? Перед нами, таким образом, конкретизация вопроса, с которого я начал статью: как именно из условно всеобщего и условно необходимого эмпирического знания возникает строго необходимое и строго всеобщее теоретическое знание? Мы добрались до самой трудной части этого вопроса.

В.Ф. Асмус считает, что первоначальный ответ на этот вопрос дал уже Аристотель, когда утверждал, что непосредственные начала дедуктивных доказательств недоказуемы и могут быть получены «только с помощью непосредственного усмотрения ума, умозрительного созерцания или, как это называли впоследствии, посредством «интеллектуальной интуиции» [[27], с. 274, 275].

Приходится в очередной раз отступить от прямого исследования генезиса теоретического знания и вернуться к заготовке его инструментов - обсудить едва ли не самый трудный вопрос гносеологии: что такое интуиция?

Классическим считается ответ на этот вопрос, данный Р. Декартом: «Под интуицией я подразумеваю... понимание (conserium) ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчётливое, что не остаётся никакого сомнения относительно того, что мы разумеем, или,

что то же самое, несомненное понимание ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума и является более простым, а, значит, и более достоверным, чем сама дедукция» [[28], с. 84). Чтобы проанализировать этот текст, различим: 1) интуицию, 2) интуитивное познание и 3) интуитивное знание. Интуиция - это *способность к интуитивному познанию*, в результате которого возникает интуитивное знание. Эти дистинкции позволяют увидеть, что Декарт здесь определяет не интуицию, и не интуитивное познание, а интуитивное знание (понимание, *conserium*) полученное в акте интуитивного познания.

А как конкретно происходит интуитивное познание, каков его гносеологический механизм? На этот вопрос не отвечает не только Декарт, но и современные исследователи. Так, В.Ф. Асмус в полном согласии с Декартом определяет процесс интуитивного познания как «прямое постижение умом истины, не выявленной из других истин посредством доказательства и не усматриваемой одними лишь внешними чувствами» [[29], с. 6]. И шестьдесят лет спустя исследователи лишь повторяют это определение. Вот типичный пример: «Интуиция (точнее - интуитивное познание - Г.Л.) — это прямое постижение умом истины, не выведенное логическим анализом из других истин и не воспринимаемое через органы чувств» [[30]].

Итак, интуитивное познание - это не чувственное познание и не дедуктивный вывод, а «прямое постижение умом истины». Но прямо постичь можно только уже существующую истину. В акте же интуиции исследователь не постигает, а создает истину, постигая объективное положение вещей.

Итак, все исследователи, начиная с Декарта, ясно отвечают на вопрос, чем интуиция не является, и ставят бессмысленное словосочетание на место ответа на вопрос, что она собой представляет по своему гносеологическому механизму. Если с этим утверждением согласиться, то «сухой остаток» приведённых определений можно свести к следующему. Интуиция - это специфический способ познания отношений, в том числе законов природы. К их открытию, говорит А. Эйнштейн, «ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция». [[3], с.9]. Законы интуитивного познания существуют и действуют, так же, как, например, законы логики и грамматики, но в отличие от последних, еще не описаны.

Тем не менее, кольцо знаний вокруг объективных законов интуитивного познания постепенно сжимается. Принципиальное значение для их понимания имеет проведенное выше исследование процесса выделения в чистом виде вещей, входящих в факт. Ведь в результате они становятся не только предельно *чистыми* и предельно *общими*, но и предельно *простыми*. Для Бога или демона Лапласа, умов, способных постичь бесконечность, это их свойство не имеет особого значения: любую химическую реакцию они способны описать с точностью до атома. А вот для конечного человеческого ума оно имеет смысложизненное значение. Только до предела упростив содержание оснований отношения, можно надеяться понять, как именно из их внутреннего содержания вырастает отношение, объединяющее их в теоретический факт. Исследование этого вопроса еще не завершено. Не завершено, следовательно, и поиск ответа на вопрос, как возможна трансформация эмпирического знания в теоретическое.

Подведу итог. В статье различены два этапа в эволюции теоретического знания: 1) зарождение его в дотеоретическом эмпирическом знании; 2) развитие возникших зародышей теоретического знания в целостные теории. В статье анализировался первый этап этой эволюции. В нем, в свою очередь, тоже были различены два этапа. На первом выделяются в чистом виде вещи, входящие в теоретический факт, на втором исследуется

отношение, объединяющее их в этот факт.

Библиография

1. Платон. Государство // Платон. Соч. В 3 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1971. С. 89-454.
2. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: УРСС, 2002. 384 с.
3. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч. в 4 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 65-368.
4. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полное собрание соч., 5 изд., т. 29. М.: Госполитиздат, 1969. 782 с.
5. Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Канон-Плюс, 2019. 464 с.
6. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале "Капитала" К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002. 319 с. EDN: SUPFZV.
7. Лекторский В.А. Единство теоретического и эмпирического в научном познании // Проблемы научного метода. М.: Наука, 1964. С. 84-112.
8. Нарский И.С. Современный позитивизм. М.: Наука, 1961. 423 с.
9. Шварев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. 388 с.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
11. Левин Г.Д. Эмпирия и теория. М.: Канон +, 2016. 256 с.
12. Кант И. Критика чистого разума // Кант. Соч. в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
13. Аристотель. Вторая аналитика // Аристотель. Соч. в 4 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 255-347.
14. Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1908.
15. Сачков Ю.В. Вероятная революция в науке. М.: Научный мир, 1999. 144 с.
16. Facts, web (2025) – <http://plato.stanford.edu/entries/facts/>.
17. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 132 с.
18. Horvath A. Metaphysik der Relationen. Graz: Ullr. Mosers Buchhandlung (J. Meyerhoff), 1914.
19. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: УРСС, 2002. 381 с.
20. Левин Г.Д. Проблема "третьего мира" в современной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 96-110. EDN: RYLTMML.
21. Овчинников Н.Ф. Наблюдаемости принцип // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 5-6.
22. Novak L. The Structure of Idealization. Dordrecht-Boston: Springer, 1980. 284 p.
23. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Издание второе. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 900 с.
24. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Издание второе. Т. 26. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1962.
25. Маркс К. Письмо Энгельсу 24 августа 1867 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Издание второе. Т. 31. М.: Госполитиздат, 1963. С. 277.
26. Асмус В.Ф. История античной философии. М., 1965.
27. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
28. Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М.: Мысль, 1965. 320 с. EDN: VQMKVJ.
29. Интуиция web 2025 – <https://ru.wikipedia.org/-curid=10571&oldid=144635477>.
30. Эйнштейн А. Принципы научного исследования // А. Эйнштейн. Физика и реальность.

М.: Наука, 1965. С. 8-10.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи является генезис теоретического знания, то есть процесс формирования теоретических конструкций, которые не просто описывают, но и активнейшим образом участвуют в формировании той реальности, которую они стремятся объяснить. В разделе «Постановка проблемы» автор довольно подробно и верно пишет об эмпирическом и теоретическом знании, о разделении философов на апостериористов и априористов, о типах априоризма. Рецензент, в целом, согласен с мыслями и формулировками автора, который уже в начале статьи обнаруживает достойный уровень историко-философской культуры. Рецензент согласен с утверждением автора о том, что априоризм во всех своих ипостасях порожден «исторической ограниченностью средств гносеологического исследования». И все же хотелось бы увидеть в статье четкую формулировку объекта, предмета, цели исследования и вытекающих из этой цели задач. Рецензируемая статья является исследованием по онтологии и теории познания. Среди методов своего исследования автор называет апостериоризм, реализм, классическую теорию истины, классическую теорию единичного и общего и последовательный детерминизм. При этом автор признает право анализировать проблему генезиса теоретического знания на основе альтернативных принципов. Рецензент хочет отметить, что в статье были использованы базисные методы научного познания, а также логический и исторический анализ. Ведь теоретическое знание отражает явления и процессы со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей, постигаемых путём рациональной обработки данных эмпирического знания. Это оказывает влияние и на используемую методологию исследования генезиса теоретического знания, поэтому автор отмечает, что «заготовке инструментов исследования проблемы в ней уделяется не меньше места, чем самому исследованию». Актуальность проблем, связанных с познанием, будет наличествовать в философии всегда, ибо само познание безгранично и бесконечно – пока будет существовать человек как мыслящее существо, а не как политкорректный и толерантный манкурт, подвергшийся мозговой кастрации. Такие компоненты теоретического знания, как проблема, гипотеза, теория, будут существовать до тех пор, пока будет существовать наука и философия, осмысляющая предельные основания бытия науки как формы общественного сознания. Рецензент согласен с тем, что «в современной литературе существует не меньше двенадцати разных по смыслу определений категорий «эмпирическое знание» и «теоретическое знание», ключевых для обсуждения этой проблемы». И это – свидетельство актуальности данной проблематики. Хотя рецензируемая работа носит, по преимуществу, обзорный характер, она обладает определенной исследовательской новизной. Как уже было отмечено выше, автор четко не сформулировал цель и задачи своего исследования, но им были рассмотрены важнейшие вопросы, относящиеся к проблеме генезиса теоретического знания. Некоторые высказывания в статье хотя и представляются самоочевидными, но без определенной доли аксиоматики, как известно, не обходится ни одно философское исследование. Автором были обозначены два этапа в эволюции теоретического знания: 1) зарождение такого знания в дотеоретическом эмпирическом знании; 2) развитие

возникших зародышей теоретического знания в целостные теории. В статье был проанализирован первый этап такой эволюции, который также делится автором на 2 этапа. Как пишет автор, «на первом выделяются в чистом виде вещи, входящие в теоретический факт, на втором исследуется отношение, объединяющее их в этот факт». Мысль понятная, но ее можно было облечь в более философский язык.

Автор рецензируемой статьи увлечен исследуемой проблемой. Статья написана в жанре научной публицистики, ее стиль живой и непринужденный, приглашающий читателя к диалогу. Автор обращается к концепциям ведущих науковедов и философов науки, что свидетельствует о должном уровне философской культуры. Отрадно, что упомянуты имена и использованы идеи Э.В. Ильенкова, И.С. Нарского, В.С. Швырева, В.С. Степина. Последний, как известно, в работе «Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция» представил концепцию структуры и генезиса теоретического знания, разработанную им в 1960–1990-х годах. Эту концепцию можно по праву считать классической.

Структура рецензируемого исследования, в целом, соответствует стандартам современной статьи по онтологии и теории познания. Библиография включает 28 работ на русском, 1 на немецком и 1 на английском языках.

По мнению рецензента, данная статья может вызвать интерес у широкого круга заинтересованных читателей. После исправления указанных замечаний статья может быть напечатана в авторитетном научном издании.